
Татьяне

Бреду по памяти пешком.
По топким, жарящим барханам,
Где сквозь игольное ушко
Проходит нитка каравана.
Но небосвод ещё высок
И из прогретого зенита
Сочится время на песок,
Шуршит, скребётся и звенит, и
Врастает в призрачную плоть
До дыр затёртого пространства.
И смотрит пристально Господь
На долгий цикл мытарств и странствий.
Он сшил нас вместе в два стежка
Иглой кедровой, нитью грубой.
Иду сквозь память. Знаешь, как
Пустынно-сухо шепчут губы?

Былое по ветру летит.
Кругом барханы. Что за ними?
Но есть оазис впереди -
Твоё живительное имя.

Цвета и звуки

Отзвучал твой голос, одуванчик,
И поблёк, охрип, распался на
Звуки-парашютики, а дальше -
Бьющая по нервам тишина...

Верить ли?.. Растерянно стою, не
Зная, может ветер мне солгал,
Рассказав, что солнышко в июне
Желтый цвет разучит по слогам.

С вечного дерева сорван плод.
Прежнему не бывать!
Что напоследок сказал Еве тот,
Кто всех учил предавать?
Что ей на ухо шипел сатана?
Ева, как часть ребра,
Мужу верна.
Змей сказал:
«Ж-ж-жизнь одна»,
И научил умирать...

Беспросветное времечко,
Да сосед-хитрован...
Зацелованный в темечко,
Шел по жизни Иван.

Обобрали наивного.
Был раздет и избит.
Сколько видывал дивного?
Сколько было обид?

Горе жгло и корёжило
На потеху врагам.
Меж похмельными рожами
Вёл Господь дурака.

Раны прежние зажили,
Поутихло в душе.
Кто там плёткой охаживал?
Он не помнит уже.

Крест с распятым учителем
Покачнулся на миг...
Улыбнулся мучительно,
И опять напрямик.

Хмельные речи лезут на язык:
О премиях, о конкурсах и планах.
Но первый тост не вышибет слезы.
Он самый незатейливый... и странный.

А вот второй... Признания звучат,
И пьёт поэт коньяк, притворно морщась.
О тех, кого на свете нет, сейчас
Мы третью опрокидываем. Молча.

Опять горланит шумная толпа,
Деля людей на «наших» и «не наших».
Судьба снимает поварской колпак -
Она не зря заваривала кашу.

Сейчас допьём - и ну её хлебать.
Писать стихи и грезить о высоком.
Кому-то - свет и свежие хлеба,
Кому-то - водка «горевейным» соком.

Бог весть, что будет, где найдём ответ
И что придётся испытать при этом,
Чтоб без зазрения совести поэт
Мог сам себя именовать поэтом.

Из тьмы на свет стремятся единицы.
В политику играет – большинство.
Мне поле обездоленное снится,
И желтоватый свет через ресницы -
Свет из пшеничной юности его.

Проснусь, а всюду снова делят власть.
Орать готовы и махать руками,
Друг друга клясть и заливаться властью
О том, из-за кого беда стряслась.
А поле зарастает сорняками...

Никто не сеет истины зерно,
Со звонким «...ля» нашла коса на камень.
Как любят власти рассуждать умно!..
Но от речей их сделалось темно
Над полем, что кормило нас веками.